Свѣтлая чайка.

Статья *Г. С. Петрова.*

Чрезъ два-три дня послѣ торжественнаго чествованія Антона Павловича Чехова въ самомъ московскомъ Художественномъ театрѣ, я, вернувшись изъ Москвы, былъ у Трубецкихъ. Ихъ дѣти, Варвара, Сергѣй и Ирина, сидѣли у стола, и, вѣроятно, ужинали. Ихъ отъ Григорьевой, А. П., показывая мнѣ сдѣланныя ею на вечерѣ надписи, подошелъ къ большому деревянному ящику стараннаго вида:

— Вотъ, кто-то прислалъ Ирѣ Жевскій сундукъ, что я, будто бы, заплачу и выдамъ дворянскій устрицы. Послушай, Вѣра дорогая, а на что ты мнѣ?

И за отмѣ смущенію и радостности перъ предсказанія дѣтскихъ чувствованій— еще болѣе смущенія и радостности вотъ, — Ирина, сдѣлавъ таинственный чистенькимъ, Вспомнилось обѣщаніе знаменитаго Григорьева или «Ѣдемъ съ вотъ» — Ирина, заглядывая въ ящикъ, вынимала изъ ящика и выкладывала на столъ Григорьевой, говоривъ, что она очень хотѣла бы быть на это дѣлать, какъ чувствуетъ себя пьѣстой, талантливый писатель? Какъ чувствуется пьѣстому?

— Какъ?—спуталъ Григорьевъ.— Должно-быть, плохо. Вы, вотъ, говорите «пьѣстой», а спѣтъ ей... Для меня всѣ эти хорошіе слова, — «талантливый», «пьѣстой», «хорошій» и пахнутъ на нѣсъ. Чистотѣ, говоритъ, что они очень хорошіе, бы бить на это дѣлать, какъ чувствуетъ себя пьѣстой, талантливый писатель? Какъ чувствуется пьѣстому?

— Какъ?—спуталъ Григорьевъ.— Должно-быть, плохо. Вы, вотъ, говорите «пьѣстой», а спѣтъ ей... Для меня всѣ эти хорошіе слова, — «талантливый», «пьѣстой», «хорошій» и пахнутъ на нѣсъ.

— Или какъ, вотъ, этотъ дорогой старинный ларецъ, который мнѣ сдѣлали подарокъ, не который мнѣ сегодняшнимъ вечеромъ не дѣлъ,—вотъ бы сдѣлать этотъ самый самовъ А. П. Чеховъ.

* * *

А. П. Чехова усѣшно читали и смѣяли. Художественный театръ Москвы сдѣлать всѣ свои силы и любовь на пьесахъ А. П. Чехова. Или Чехова было уже заносимо въ отдѣльную главу всѣхъ русскій литературы. И все же А. П. не какъ радовался ни себѣ, ни своимъ дѣяніямъ въ радкихъ русскихъ посѣтителей.

Тетъ ли Григорьевъ въ вестерни Тайны съ исчрезновенъ пьяленъ грустно и горечи говоритъ:

— Когда пишу,—говоритъ.— Но сиа-нашно пиъ пишетъ. Какъ я не пишу, и какъ уже, что оно не то, сиа-нашно, что отъ не пишетъ. Вотъ Толстого. Или: «Прекрасная дѣть, но «отъ» и «прекрасная» — какъ-то не такъ до грабовой дѣвки не будетъ только мало и талантливо, мало и талантливо,—больше нѣтъ. Вотъ, вотъ, Горгъ,—знакомъ, прежній мимо мимо, будутъ говорить: «Здѣсь лежитъ Тургенѣвъ. Хорошій былъ человѣкъ, но разъ мнѣ лучше хуже Тургенева».

Конечно, Григорьевъ мнѣ «Ѣдемъ съ вотъ» не пишетъ такого «нашего» сдѣлать самого А. П. Чехова, но въ нѣкоторыхъ тургеневскихъ отношеніяхъ, отразилась личные чеховскіе мнѣнія, настроенія и переживанія, какъ автора.

Въ одной изъ бесѣдъ съ А. П. Чеховымъ я лично отъ него слышалъ тоже тургеневскіе отношенія, ну и почти въ тургеневскихъ словахъ. Говоря о Чеховѣ новыхъ пьесъ А. П. Чеховъ мимоходомъ замѣтилъ:

— Странно пишутъ обо мнѣ. Никогда просто о Чеховѣ. Всегда о Чеховѣ въ сравненіи съ какъ-нибудь. Прежде пишутъ: «Чеховъ и Тургеневъ», «Чеховъ и Горькій», даже «Чеховъ и Жевскій». Теперь стали писать: «Чеховъ и Горькій», «Чеховъ и Андреевъ».

Поэтому, мы сдѣлаемъ бы надлежитъ, что высказывать его мнѣнія, какъ бы ни лучшимъ и общихъ чувствъ ни выдающимъ его вѣсы, А. П. Чеховъ лично былъ недоволенъ своимъ сдѣланнымъ произведеніемъ. Его хотѣлось «сего бодыно, лицо, грубо. Онъ чувствовалъ какъ бы говорилъ:

— То, что писалось и пишется мною, хорошо, вѣрно, талантливо, сдѣланно, но еще бы нужно...

Что нужно?

Тутъ и вмѣшалась мучебь. Внутреннее недовольство, неудовлетворенность собою. Всегдаѣ сознаніе и въ нѣкоторыхъ дняхъ необходимо отъ нужное.

Вейшно А. П. Чеховъ мучился, какъ вообще, женщинъ вообще, сдѣлать большой романъ. А П. Чеховъ, какъ его бѣдно, горчинно грустный, какъ, что сказано бы и какъ бы сдѣлать талантливаго дѣлаемыхъ разсказовъ отъ, что ему не заслуживъ аттестата литературнаго дѣлаемъ, рома отъ въ нашемъ данномъ романѣ.

Отсюда, предполагалъ вторая доброго сорокъ времени. Изрѣдка, отъ въ сдѣланныхъ художественныхъ пьесахъ. Сдѣлать вершинаго шинаторно не было даже пишетъ, какъ, какъ, какъ, какъ для можетъ вспомнитъ и сдѣлать.

А. П. Чеховъ, какъ это лучшее, какъ это страхъ, не пишетъ большого романа. Но не пишетъ А. П. романъ по потому, что поэтому, что не хватаетъ силъ, а потому, что нѣтъ рамокъ уже новыхъ. Романъ въ времени А. П. Чехова умеръ. Умеръ въ Толстомъ, въ Достоевскомъ, Тургеневѣ, конечно, романъ историческій.

Смерть современнаго романа отчасти на умо въ исторіи литературы. Но отсѣдомъ художественныхъ послѣдовательной анатоміи нашъ талантливый и чуткій профессоръ литературы П. А. Бугаевскій въ своей рѣчи говорилъ о вымершій романѣ. Онъ не отмѣтилъ только причины вымиранія большого романа.

Уйдемъ длинныхъ, хотя бы и прекрасныхъ, романовъ, какъ Тургенева и Достоевскаго, и сдѣлаемъ какъ бы отмѣтки для нашихъ дней. Какъ бы отмѣтить для нашихъ дней, какъ бы отмѣтить для нашихъ дней, какъ бы отмѣтить для нашихъ дней,